

Церковь в России

(Сошел ли митрополит Сергей с Тихоновского церковного пути?)

Внимательно следя за литературой безбожников и обновленцев ясно видишь их стремление доказать во что бы то ни стало, что Тихоновская Церковь находится в состоянии полного разложения. Самое малозначительное сообщение о разногласиях среди руководителей Церкви, о трудностях ее положения и т.п. неизменно вызывает целый поток злобных утверждений, что Тихоновская Церковь находится в состоянии полнейшей анархии, что единства у нее никакого нет, единого управления нет и быть не может, и т.д. Не останавливаются она даже и перед явными передержками и измышлениями. Например, когда в начале 1925 г. митрополит Крутицкий Петр, после своего ареста, сначала назначил заместителем митрополита Сергея, а потом, неправильно информированный о церковном положении, передал власть епископской коллегии с участием возглавителя новой раскольнической церковной группы (ВВЦС) арх. Екатеринбургского Григория, обновленцы с злорадством подробно сообщили обо всем этом в своих «Вестниках». 1-го января 1927 г. митрополит Петр, выяснив обстановку, обратился из Перми, где он был заточен, с посланием, из которого мы узнаем, что он дал согласие на образование коллегии «будучи уверен, что арх. Григорий находится в полном единении и не подозревая, что сей архипастырь уже давно бесчинствует».

Далее митрополит Петр пишет: «Благодарю Господа Бога, предоставившего возможность письменно упразднить коллегию и подтвердить справедливость принятых митрополитом Сергием мер — запрещения в священнослужении архиеп. Григория и единомысленных ему архиереев-самочинников с отстранением их от занимаемых кафедр... В беседе с архиеп. Григорием, явившимся ко мне на свидание в Свердловскую тюрьму, я лично ему сообщил, что он состоит вне молитвенно-канонического общения с нашим смирением, братски увещевал подчиниться моему и

митрополита Сергия решению, предупреждал, что производимая им и его сторонниками смута не может быть терпима в Православной Церкви». Это послание обновленцы абсолютно замолчали. Им, видимо, не выгодно свидетельство о полном единении местоблюстителя патриаршего престола со своим заместителем. Также скрывают это послание и руководители ВВЦС, что мы видим из протоколов их последнего съезда.

К сведениям, сообщаемым обновленческими и безбожными изданиями, нужно, конечно, относиться с величайшей осторожностью. Они ни перед чем не останавливаются в своем стремлении оклеветать и погубить Тихоновскую Церковь. Московский корреспондент «Борьбы за России», сообщает в номере от 11-го февраля сего года следующее: «В своей борьбе против митрополита Сергия и других православных иерархов обновленцы не останавливаются перед явными и тайными доносами, ложью и клеветой. Они подделывают документы, распространяют ложные слухи. Особенно ожесточенно выступают обновленцы против епископа Филиппа (Гумилевского), которого митрополит Сергей назначил управляющим Московской епархией и которого обновленцы обвиняют в том, что он в 1925 г. якобы согласился возглавить вместе с епископом Николаем новую иерархию старообрядцев-беглопоповцев». То, что пишут обновленцы и другие церковные отщепенцы, часто настолько гнусно, лживо и лицемерно, что не может не вызывать чувства глубочайшего отвращения. Таковы, например, отпечатанные в типографии «Красный Октябрь», протоколы 2-го Съезда ВВЦС, состоявшегося в Москве в ноябре прошлого года. Эта брошюра полна злобной травли против митрополита Сергия и возглавляемой им Патриаршей Церкви. Один из главных деятелей ВВЦС, епископ Борис (бывший Можайский) выражается следующим образом: «Враги Церкви воздвигли на ВВЦС жестокое гонение, которое продолжается и теперь. Во главе лиц, несущих смуту и страдания Св. Церкви, стоит митрополит Нижегородский Сергей, но следовать за ним и верить ему никак нельзя, и вот почему: м. Сергей, подобно Римскому папе, святотатственно нарушает и ниспровергает

догмат о главенстве Господа нашего Иисуса Христа в Церкви». В другом месте он говорит: «По идеологии митрополита Сергия и его последователей, Церковь является прикрепленной к известным формам политической жизни и при других формах существовать не может. Следовательно, они верят в возможность гибели Церкви. Но этим самым они торжественно свидетельствуют о своей неверии в Бога и Его всемогущество... Вот почему митрополит Сергий и его ближайшие сторонники всегда ненавидели святейшего патриарха Тихона, искавшего примирения с Властью» (с большой буквы. Прим. ред.). Сам ВВЦС «всех призывает к искреннему благожелательному отношению к существующей государственной власти». По предложению архиеп. Григория, быв. Екатеринбургского, Съезд «единодушно присоединяется к приветствию ВВЦС к Правительству СССР по случаю 10-летнего юбилея советской власти». Приводим это недостойное приветствие целиком: «Сознавая, что жизнь человеческая — не шутка и не забава, а труд и подвиг, и что она становится кошмаром и бедствием, когда у трудящихся отнимают плоды их трудов бездельники, веруя, что Промысел Творца людей и мира бодрствует над ними и исправляет наши погрешности, воздействуя на наши умы и совесть духовно, а при упорстве нашем — мерами физического наказания и вразумления, и исповедуя, что пережитые нами бедствия войны как империалистической, так и гражданской, междоусобной, и были именно таким вразумлением и наказанием нам, признавая, что советская власть, выступавшая на поприще государственной деятельности в труднейший момент народной жизни, обнаружила добрую волю, самоотверженность и умения в исцелении народных страданий и бедствий, выхватив наш народ из огненного кровавого кольца империалистической мировой войны, передав трудящимся земли, заводы и фабрики, поддерживая отсталых и слабых, освобождая угнетенных, опекая беспомощных, воспитывая юных и стараясь всех просветить светом науки и грамоты, Временный высший церковный совет в знаменательный день исполнившегося десятилетия советской власти искренне и нелицемерно

приветствует ее и желает ей дальнейшего преуспевания в деле служения людям, выражая надежду и пожелание, чтобы в предстоящее новое десятилетие были изжиты все несовершенства жизни, дабы все, свободные и равные, могли бодро трудиться на общее благо и во славу Единого Владыки, Правителя и Хранителя вселенной — Бога».

Еп. Борис также присоединяется к травле, поднятой обновленцами против арх. Филиппа, бывшего одним из исключительно стойких исповедников во время повсеместного церковного развала, вызванного арестом патр. Тихона и образованием «Живой Церкви». Архиеп. Филипп был в то время единственным — на несколько епархий епископом, сохранившим верность св. патриарху и ревностно боровшимся с живоцерковничеством. По-видимому, и в настоящее время он является одним из стойких вождей тихоновской Церкви, что и вызывает клеветническую травлю, поднятую против него озлобленными противниками тихоновской церкви. Еп. Борис даже не считает архиеп. Филиппа православным христианином и видит в факте назначения его управляющим Московской епархией «циничное обнаружение лицемерия и полной беспринципности митрополита Сергия».

Если ко всему тому, что враги тихоновской Церкви, стремящиеся оклеветать и погубить ее, пишут против нее, нужно относиться с величайшей осторожностью и недоверчивостью, то, с другой стороны, каждое их сообщение, дающее какие-либо благоприятные для Церкви сведения, можно считать вполне достоверным. Им, безусловно, нет смысла укреплять авторитет Церкви. То, в чем они принуждены признаться, просто фактически нельзя скрыть. Такие факты обычно сопровождаются враждебными комментариями, старающимися по-своему их объяснить. Но все же в фактах она признаются, а для нас это самое главное. Если бы эмиграция была более в курсе церковных событий на родине, то думается, можно было бы избежать многих недоразумений, приведших к переживаемым нами прискорбным церковным разделением. В эмиграции никак не могут уяснить себе тех

условий, в которых живет и борется со злом Церковь, находящаяся внутри России.

С особой силой это непонимание обнаружилось при получении известия о легализации центрального управления Патриаршей Церкви. Те, кто любовно и внимательно следят за развитием церковных событий, на родине, не могут не понимать того, насколько важно для Церкви добиться легализации. Один из наиболее внимательных и преданных друзей Тихоновской Церкви, архиепископ Латвийский Иоанн, указал в беседе с сотрудником газеты «Слово» (25 авг. 1927 г.) на то, что попытки добиться легализации Церкви делались ее руководителями еще при патриархе Тихоне. «Первые попытки, — сказал он, — не привели ни к каким реальным результатам, между прочим, потому, что предрержащие власти СССР не видели для себя серьезной необходимости нормировать положение Православной Церкви. Эти власти в ту пору еще жили обольстительной надеждой искоренить в пределах СССР всякую религиозную веру». Факт легализации Синода при митрополите Сергии, сообщенный им в его нашумевшем послании, представился многим в эмиграции как бы отказом от борьбы со злом руководителей Церкви, малодушным компромиссом и т.п. А для внимательного следящего за церковной жизнью в России, архиеп. Иоанна, факт этот свидетельствует о перемене позиции не Церкви, а советской власти, которая «на исходе десятого года своего существования не может не видеть, что десятилетние напряженнейшие усилия к желанным результатам не привели — религиозная вера искоренению не поддается».

Обновленцы, пытающиеся все истолковать во вред Патриаршей Церкви, ни перед чем не останавливающиеся в этом своем стремлении и они были принуждены признать (в докладе административного отдела их синода, см. их московский «Вестник» №2, 1928 г.), что их «епархиальные работники были смущены сведениями о регистрации при митрополите Сергии Нижегородском староцерковнического Синода», что им понадобилось для «успокоения обновленческих общин» издать специальные послания,

«выясняющие всю правду о сергиевском Синоде», т.е. вновь прибегнуть к лжи и клевете. Тот же обновленческий «Вестник» сообщает в информационном бюллетене от 7 февраля, что «больно ударила декларация митрополита Сергия и по последователям ВВЦС». Понадобился для спасения положения в Челябинске, где оно было особенно катастрофичным приезд самого главы ВВЦС митрополита Григория.

По-видимому, в тот момент, когда Сталин, борясь с троцкистской оппозицией, опирался на более умеренные и дальше отошедшие от коммунизма слои советской общественности, перед легализующей Церковью открывались широкие перспективы. Иностранцы осведомители (сообщение в «Возрождении» из немецких источников, в «Church Times» из английских и т.д.) уже сообщали о подготовительной работе к созыву II-го канонического Собора Русской Церкви, называли даже назначенную для созыва Собора дату — май 1928 г.) о предстоящем освобождении местоблюстителя Патриаршего престола и других иерархов, оторванных от их паствы, о работе по ликвидации отколовшихся от Церкви группировок и т.д. Но Сталин, разделавшись с оппозицией, круто повернул влево. Опять усилились репрессии на «экономическом фронте». Не смог этот крутой поворот советской политики не отразиться и на «идеологическом фронте», в центре которого стоит борьба с Православной Церковью. Архиеп. Иоанн закончил свою беседу с сотрудником «Слова» следующими словами: «Очень может быть, что Советы вовсе не подпишут конкордат и тогда все случившееся получит лишь характер демонстрации капитуляции Церкви перед Советами. Последнее едва ли было бы выгодно для Советов. Церковь в обращении засвидетельствовала максимум возможной христианской лояльности; это лояльность, «не взирая ни на что». Если Советы и после этого обращения будут держаться политики нетерпимости, верующие будут иметь все права сделать следующие отсюда выводы».

Можно смело утверждать, что именно такая крайне подчеркнутая лояльность гарантировала Церковь от еще больших гонений и стеснений, чем

те, которым она не смогла не подвергнуться, вследствие Сталинского левого зигзага. Московский корреспондент «Социалистического вестника»¹ писал осенью прошлого года, что митрополит Сергей пользуется такой широкой популярностью, что когда его арестовали (в декабре 1926 г.), то «о нем стали ходатайствовать столь широкие круги (были депутации из Сормова, хлопотали и беспартийные члены ЦИК Союза и т.д.), что высылка его стала казаться если не опасной, то во всяком случае вредной». Антирелигиозный орган «Безбожник» сообщил, вскоре после обнародования послания митрополита Сергея, что многие рабочие высказывают теперь недоумение по поводу продолжения борьбы с Церковью, уже окончательно порвавшей с политической антисоветской деятельностью. В том же духе высказалась и делегация американских рабочих в своей беседе со Сталиным, напечатанной в «Правде» от 1927 г. Интересно то, что коммунисты теперь уже не знают, как отвечать на подобные вопросы. Сталин не нашел другого ответа американцам, кроме избитого утверждения, что они борются с Церковью потому, что она якобы против науки. «Безбожник» (11 сент. 1927 г.) высказывался откровеннее. Он заявил, что «от политической лояльности роль Церкви под руководством Сергея не стала иной чем раньше — дело в том, что вредная роль религии остается и после декларации. Отцы Церкви хотят быть не только руководителями в молитвах и выдавать паспорта в Царство Небесное, они хотят быть учителями в повседневной жизни верующих... С религией, хотя бы ее Сергей прикрасил в какие угодно советской одежды, с влиянием религии на массы трудящихся, мы будем вести борьбу, как ведем борьбу со всякой религией, со всякой Церковью».

Но открыто стать на такую позицию советская власть не решилась. В январе с.г. ей пришлось допустить, несмотря на исступленные протесты «Комсомольской Правды» диспут, устроенный тихоновским проф. Кузнецовым с участием иерархов-членов Синода при митрополите Сергии (содокладчиком выступал архиепископ Самарский Анатолий). Наконец, в

¹ См.: «Вестник РСХД» от ноября 1927 г.

«Безбожнике» от 8-го июля с.г. один из видных безбожных деятелей, М. Шеин счел необходимым выступить с разъяснениями по поводу «распространяемых церковниками всевозможных лживых слухов насчет «гонений» советской власти против Церкви и религии». Слухи «эти вызваны рядом случаев закрытия и разрушения храмов. Шеин старается доказать, что «врут попы и раввины». Церкви будто закрываются и сносятся, или по постановлению самого населения», или же потому, что никто не хочет взять на себя ответственность за охрану и целостность зданий (беспризорных церкви), или же потому, что «Церкви «мешают уличному движению». Он даже не стесняется утверждать следующее: «Никаких гонений, следовательно на веру, у нас нет. Там, где верующие хотят сохранить Церковь, они ее имеют. Кроме того, при сносе церквей, когда этот снос диктуется потребностью перепланировки города, учитывается всегда также и то, имеется ли по близости другая церковь, которая могла бы заменить верующим те, которые сносятся». Конечно, Шеин, делая подобные утверждения, явно лжет. Но показательно то, что он вынужден делать подобное разъяснение. Это показывает, что советская власть, не посмевавшая окончательно отметить «экономический нэп», называя разговоры об его отмене «явно контрреволюционными», также не смеет отменить и «религиозный нэп».

Дай Бог, чтобы последний «зигзаг вправо» советской внутренней политики в отношении крестьянства принес бы также некоторое облегчение и нашей исстрадавшейся Церкви. Православная Церковь опирается не только на крестьян. Все чаще приходят известия об усилении влияния Церкви и среди рабочих, проявляющемся даже в грандиозном храмостроительстве, и не только в московском промышленном районе, но также и в северо-западных губерниях, и в других местах. А с рабочими большевики принуждены сравнительно больше считаться, чем с менее организованным крестьянством. При этом особенно интересно отметить сообщение уже упомянутого нами корреспондента «Социалистического вестника», о том, что и в эти годы митрополит Сергей особенно искал знакомств в рабочих

кругах, с особенным старанием поддерживал их во Владимире и в Нижнем, и, действительно, среди религиозно-настроенной части их пользуется не малым влиянием и поддержкой». Интересно сопоставить с этим паническое сообщение «Безбожника» от 13 мая с.г. о том, что «в промышленных гигантах Нижегородской губернии, Сормове и Канавине, имеются в первом, насчитывающем 18 тысяч рабочих, всего-навсего одна ячейка Союза безбожников (120 членов), а во втором на 15 тысяч рабочих нет ни одной ячейки».

Враги Церкви, по сообщению «Борьбы за Россию» (14 февраля с.г.) думали, что «митрополит Сергей, получив легализацию, пойдет по пути обновленцев, выражающемся в полном пренебрежении догматами и канонами Православия, в непосредственной связи с ГПУ и низкопоклонничестве перед безбожной коммунистической властью (иная тактика им казалась просто невозможной). Но митрополит Сергей обманул их ожидания. Пойдя на легализацию Церкви, он остался верен ее догматам и канонам, не поступился ни в чем своим убеждением о необходимости полной независимости Церкви в ее внутренней жизни. И потому *церковное сознание*, осудившее обновленцев, *не осудило митрополита Сергея*, несмотря на большое число лиц, считающих его тактику вредной и ошибочной». Советская власть не посмела отменить легализацию Патриаршей Церкви (акт о легализации Синода был опубликован в официальном отделе «Известий» только в начале этого года, хотя легализация состоялась в мае 1927 г.). Но всего того, что должно было за нею следовать, Церковь пока еще не добилась. Созвать канонический Собор до сих пор еще не удалось. Также нет еще точных сведений об освобождении м. Петра (хотя в Москве его давно уже ожидают) и других руководящих иерархов Православной Церкви. Получаются известия о том, что местами Церковь подверглась новым гонениям и стеснениям.

В своей записке о церковном положении (см. «Возрождение» от 19 авг. 1926 г.) архиеп. Илларион (один из наиболее выдающихся тихоновских

иерархов, управлявший Московской епархией при патриархе Тихоне), говорит о необходимости образования легализованного церковного органа, основной целью которого должен быть созыв Собора, долженствующего упорядочить жизнь Церкви, очутившейся в необычных для нее «новых исторических условиях». «Будущем Собору мое первое пожелание», — пишет архиеп. Илларион), то, чтобы он смог доказать полную непричастность и не солидарность со всеми политически неблагонадежными направлениями, рассеять тот туман бессовестной и смрадной клеветы, которыми окутана Русская Церковь преступными стараниями злых деятелей «обновления». Подготовительному органу архиеп. Илларион рекомендует умеренность и осторожность. «Церковные люди стали подозрительны», — говорит он. Линия поведения митрополита Сергия является как бы точным исполнением пожеланий архиеп. Иллариона. Он образовал при себе церковный орган, заданием которого является созыв Собора. Но выполнить это задание ему пока не удалось. Церковь настолько еще стеснена в своей жизни, особенно под влиянием левого зигзага советской внутренней политики, что и упорядочение церковного управления не проводится достаточно быстро и планомерно. Новое же усиление деятельности ГПУ,, терроризирующего измученных десятилетним гнетом русских людей, а также кампания лжи и инсинуаций, поднятая против Тихоновской церкви всевозможными Ее врагами, по-видимому, послужили к усилению атмосферы слепой паники и растерянной напуганности», о которой говорит владыка Сергий в послании, напечатанном в «Вестнике РСХД» от 1 августа с.г.: «Умилительно трогательному его призыву к соблюдению церковного мира и единства вняли не все. По-видимому, дали свои плоды недостойная и несправедливая травля первоиерарха Патриаршей Церкви, с легкой руки обновленцев поднятая всеми ее врагами внутри и вне России. Местами дело дошло до открытого откола от митрополита Сергия отдельных иерархов и церковных общин. Отделился Вятский викарий, еп. Виктор, затем два петербургских викария, центром оппозиции митрополиту Сергию является

Ярославская епархия, епископы которой во главе с митрополитом Агафангелом и архиепископом Угличским Серафимом образовали особую автономную область. К ним присоединился и сосланный в Ярославскую область быв. Петербургский митрополит Иосиф. Украинский обновленческий «Вестник» 15 мая с.г. сообщает, что «за митр. Агафангелом и Иосифом пошло не менее 20-ти епископов (они называются «иосифлянами»). Переход от митрополита Сергия к «иосифлянам» сопровождается особым чином: принимают через окропление церквей и покаяние священнослужителей». Зная бесцеремонное обращение обновленцев с цифрами и их стремление во что бы то ни стало доказать неудачу тихоновской церковной линии, продолжаемой митрополитом Сергием, на которого они все время обрушиваются с неистощимой злобой, можно сказать, что указанное ими число отколовшихся во всяком случае не преуменьшено, даже скорее преувеличено. Кроме указанных выше епископов (за митрополитом Агафангелом пошло 3 викария), обновленцы не называют более ни одного имени. Важно также отметить то, что настоящим расколом это обособление отдельных епископов от их канонической центральной власти назвать нельзя — своего собственного центрального церковного управления в противовес Синоду митр. Сергия они не создали. И отделились они только временно до «возвращения к власти митр. Петра», как написано в одном из их обращений. Что же побудило этих епископов пойти на такой серьезный шаг как отделение от признаваемой ими до тех пор законной канонической власти? В «Церковных ведомостях», издающихся в Карловцах (март, апрель 1928 г.), напечатаны обращения к митрополиту Сергию отделившихся от него иерархов. Из этих обращений видно, что митрополиту Сергию как бы ставится в вину то, что ему не удалось довести Церковь до Собора. Но разве митрополит Сергей виновен в том, что левый уклон советской политики не дал Церкви возможности воспользоваться всем тем, что должно было следовать за легализацией ее центрального управления? Нельзя также делать его ответственным в том, что от усиления

деятельности ГПУ пострадали также и представители Церкви. Содержание обращения епископов Ярославской епархии дает основание думать, что они недостаточно внимательно отнеслись к мольбе митрополита Сергия (в упомянутом выше его послании) «не торопиться приходить в смущение от всяких непроверенных слухов». Например, они упрекают митрополита Сергия в том, что он ввел в свой Синод «отпавшего в раскол беглопоповства — архиеп. Филиппа». А мы знаем, что это обвинение является клеветой, пущенной обновленцами с особой злобой ополчившимися против архиеп. Филиппа. Среди документов, напечатанных «Церковными ведомостями», особенно выделяется своей высокой духовной настроенностью письмо архиеп. Серафима Угличского, к митрополиту Сергию. Оно преисполнено такой заботы о Церкви, написано в таком любовном и смиренном духе, что является одним из свидетельств того, что церковные деятели пережившие эти страшные годы в России, могут даже при серьезных разногласиях, обращаться друг к другу в подлинно христианском духе. Приводим это замечательное письмо целиком:

«Ваше Высокопреосвященство.

Более чем полугодовой срок, протекший со дня издания Вами Декларации 16 (29) июля 1927 года, показал, что все надежды Ваши «на мирное установление наших церковных дел», на приведение в «должный порядок и строй всего нашего церковного управления», напрасны, а Ваша «уверенность в возможность мирной деятельности и жизни в пределах закона совершенно несбыточна и никогда не может при настоящих условиях перейти в действительность. Наоборот, факты чуть ли не ежедневно свидетельствуют, что еще труднее стало жить православно-верующим людям. Но особенно тяжело, прямо мучительно им сознавать, что Вы приносите в жертву кому-то и чему-то внутреннюю свободу Церкви.

До слез горько сознавать, что Вы, так мудро и твердо державший знамя Православия в первый период своего заместительства, теперь свернули с прямого пути и пошли по дороге компромиссов, противных Истине. Вы

повергли нас в область страшных нравственных мучений, а сами себя сделали первым из таковых мучеников, ибо должны страдать и за себя, и за нас. Раньше мы страдали молча и терпели, зная, что мы страдаем за Истину и что с нами несокрушимая никакими страданиями сила Божия, которая нас укрепляла и воодушевляла надеждою, что в срок, ведомый единому Богу, Истина Православия победит, ибо неложно обещана и, когда нужно, будет подана всеильная помощь Божия. Своей декларацией и основанной на ней политикой Вы силитесь ввести нас в такую область, в которой мы уже лишаемся этой надежды, ибо отводите нас от служения Истине, а лжи Бог не помогает.

Мы – лояльные граждане СССР, покорно исполняем все веления советской власти, никогда не собирались и не собираемся бунтовать против нее, но хотим быть честными и правдивыми членами и Церкви Христовой на земле и не «перекрашиваться в советские цвета», потому что знаем, что это бесполезно и этому люди серьезные и правдивые не поверят.

Пока еще не поздно, пока еще не совсем захлестнула Вас эта страшная пучина, готовая бесславно и уже навеки поглотить Вас, соберите свои, еще недавно могучие, умственные и нравственные силы, встаньте во весь свой духовный рост, издайте другую декларацию во исправление первой, или хотя бы подобно той, которую Вы разослали в первый период своего заместительства, разрубите благодатным порывом духа цепи, Вас сковавшие, и выйдите на святую свободу. За Вас будут молить Бога все истинные сыны Церкви и мужественные архипастыри, и добрые пастыри все станут на Вашу сторону. Вас охотно духовно облобызают все многочисленные страдальцы, этот голос свидетелей чистой Истины, удаленные от своих паств и собратий; за Вас будет сама непобедимая Истина. Она укажет Вам дальнейший путь, она охранит и защитит Вас.

Дорогой Владыко! Я представляю, как Вы должны страдать. Почему же Вы, испытывая эти страдания сами, не желаете облегчить их тем, которые в свое время доверились Вам? С какою радостью я передавал Вам свои права

заместительства, веря, что Ваша мудрость и опытность будут содействовать Вам в управлении Церковью.

Что же случилось? ... Неужели это роковое бесповоротно? ... Неужели Вы не найдете мужества сознаться в своем заблуждении, в своей роковой ошибке изданием Вашей декларации от 16 (29) июля 1927 г.? ... Вы писали мне и искренне верили, что избранный Вами путь принесет мир Церкви. А что же видите и слышите теперь? ... Страшный стон несется со всех концов России. Вы обещали вырывать по 2, по 3 страдальца и возвращать их к обществу верных, а смотрите, как много появилось новых страдальцев и голос их с берегов Оби и Енисея, с далеких островов Белого моря, от пустынь Закаспийских, с горных хребтов Туркестана не доносится до Вашего сердца? Как же Вы могли своей декларацией наложить на них и на многих клеймо противников нынешнего гражданского строя, когда они и мы по самой духовной природе своей всегда были чужды политике, строго, до самопожертвования, охраняя чистоту Православия?

Мне ли, юнейшему сравнительно с Вами, писать эти строки, мне ли поучать многоопытного и многоученого Святителя Церкви Российской. Но голос моей совести понуждает снова и снова тревожить Ваше широкое и доброе сердце... Проявите мужество, сознайтесь в своей роковой ошибке, и если невозможно Вам издать новую декларацию, то для блага и мира церковного передайте свои права и власть заместительства другому.

Я имею право писать Вам эти строки и делать это предложение, ибо многие теперь укоряют меня, что я поспешно и безоговорочно передал Вам права заместительства. Испытавши на себе это бремя церковного управления, я верю, что Вы в тиши своей кельи проливаете горькие слезы и пребываете в страшном томлении духа... И мы жалеем и плачем с Вами... И если идут отделения епархий и приходов от Вас и Вашего Синода, то это набат, страшный набат истомленных верующих сердец, который мог бы донестись до Вашего сердца, зажечь его пламенем самопожертвования и готовности положить душу свою за други своя...

Господь да поможет Вам и благословит Ваше мужественное решение, которое подскажет Вам голос архипастырской совести и которое мы не диктуем, а с сыновней любовью предлагаем Вам для Вашего спасения душевного и блага Церкви.

Серафим, архиепископ Угличский, викарий Ярославской епархии, бывший Заместитель Патриаршего Местоблюстителя».

Письмо это производит то же светлое впечатление, какое производит и напечатанное в «Вестнике РСХД» от 1 авг. с.г. послание митрополита Сергия. Обе стороны нелицемерно пекутся о благе Церкви. Митрополит Сергий в своем послании умоляет своих собратьев не отделяться от него, не получивши предварительно от него «разъяснений по всем недоумениям, смущающим совесть». И верится, что если бы внешние причины не помешали ему свидеться с несогласными с ним, но одинаково заботящимися о благе Церкви архипастырями, то единение между ними не было бы нарушено. Имеются факты, указывающие на то, что митрополит Сергий и помогающие ему в его тяжком служении епископы имеют возможность успокоить смущающихся православных. Украинский обновленческий «Вестник» от 2-го мая с.г. сообщает, что «у приехавшего от митрополита Сергия на Украину митрополита Михаила *вначале* предстала та же оппозиция и в самом Киеве, и на местах. Затем в Киеве состоялся Съезд находящихся на Украине Тихоновских епископов, причем епископы, не присутствовавшие на Съезде, прислали свои подписи под постановлением Съезда». В результате единство не нарушено и обновленцы ничего не могут сказать о Тихоновской Церкви на Украине кроме того, что она «полна невежества и мрака» и живет в «атмосфере лжи и лицемерия» — т.е. за неимением фактов, возможности кольнуть ее в чем-либо существенном по обыкновению прибегают просто к грубому выпадку. Аналогичный случай произошел в Тверской епархии. «Безбожник» от 17 июня с.г. сообщает, что митрополиту Серафиму Тверскому, члену Синода при митрополите Сергии, после подписания им послания митрополита Сергия будто бы даже «в

течение 6 месяцев после этого не позволяли служить ни в одном храме Тверской губернии». Примирение, по словам «Безбожника», состоялось следующим образом: «Он приехал в Тверскую губернию и в одном из храмов произнес громовую проповедь на тему о красной опасности в Церкви. Мир и любовь к Владыке, после этого заявления вновь восстановились.

В Москве, местопребывании митрополита Сергия, по-видимому, никто не откололся. Он сам там может разъяснить, что не идет «по пути Синодальной церкви», чего особенно опасаются смущающиеся православные (Укр. обн. «Вестник» от 1-го марта с.г.): «Митрополит Сергей утверждает в своем послании, что «всякие толки о нашем якобы сочувствии или даже сближении с какими-нибудь из раздорнических церковных движений вроде обновленчества, григорьевщины... суть или злостный вымысел или плод напуганного воображения». Подтверждение этого мы находим в протоколе съезда ВВЦС, который послал митрополиту Сергию приглашение, «но митрополит Сергей не счел нужным пожаловать и даже ответить что-либо». То же произошло и с обновленцами. Они сообщают, что митрополит Сергей не пожелал вступить с ними в какие-либо переговоры. А на Украине произошло следующее: «На обновленческом соборе, состоявшемся в мае с.г. в Харькове, доложено было, что «митрополит Иннокентий (обновленческий) — все меры принимал, чтобы увидеться и поговорить с митрополитом Михаилом (которого они хотели позвать на свой собор), но последний даже не ответил на просьбу назначить место и время для свидания с ними. Синод также написал очень ласковое письмо митрополиту Михаилу, но ответа тоже не получено». Мы уже привели выше сообщение из Москвы о том, что церковное сознание, осудившее обновленцев, не осудило митрополита Сергия. Действительно, нельзя не видеть разницы между выражениями политической лояльности, исходящими от митрополита Сергия и обращениями к советской власти обновленцев, григорьевцев и тому подобных. Характерным образчиком такой недостойной литературы является приведенное нами выше обращение ВВЦС к советской власти по случаю ее

10-тилетия. Митрополиту Сергию пришлось подписать наделавшее столько шуму послание для получения легализации и не исключена возможность того, что отдельные места этого послания ему были просто навязаны. Обновленцы же, ВВЦС и другие раскольники, составляя свои обращения, руководятся ни чем иным, как только желанием прислужиться к советской власти. В обращениях выступивших против митрополита Сергия иерархов мы находим не менее категорические чем у него заверения в политической лояльности к советской власти. В обращении, подписанном митрополитом Агафангелом и др. архиереями Ярославской епархии, написано следующее:

«Вы вменяете в обязанность лояльное отношение к гражданской власти. Мы приветствуем это требование и свидетельствуем, что мы всегда были, есть и будем лояльны и послушны гражданской власти...». Архиеп. Угличский Серафим пишет: «Мы — лояльные граждане СССР, покорно исполняем все веления советской власти». Также и митрополит Иосиф говорит о своем «смиренном повиновении гражданской власти». Это та же лояльность, о которой говорит и так называемое «послание соловецких епископов» и обращения митрополита Петра, митрополита Агафангела (во время его первого местоблюстительства) и других руководителей Тихоновской Церкви. Митрополит Сергей дальше этого не пошел, а митрополит Киевский Михаил в своем обращении к пастве прямо заявил, что нужно исполнять только те распоряжения власти, которые не противоречат «нашим религиозным, нравственным и каноническим обязанностям». Потому можно предположить, что корень расхождения между ним и несогласными с ним иерархами лежит не столько в области политической, в отношении к советской власти, сколько в области чисто церковной, в вопросах церковного управления, дисциплины и т.п. На это указывают те места обращений выступавших против митрополита Сергия епископов, где они его обвиняют в самовольном назначении, перемещении, запрещении епископов и т.п. Они даже выступают защитниками прав свободного устройства внутренней религиозной жизни церковного общества, которые

даны ему самой гражданской властью (избрание общинами верующих, духовных руководителей себе). Сведения из России говорят о том, что теперь в священство часто идут люди, богословски недостаточно подготовленные и нуждающиеся в авторитетном руководстве. Также и необходимость поддержания церковной дисциплины не может не заставлять митрополита Сергия принять все меры к тому, чтобы на местах почувствовали авторитетное руководство центра всероссийской церковной власти. Следует также отметить тот факт, что оппозиция группируется вокруг митрополита Агафангела, по поводу которого митрополит Крутицкий Петр написал в своем послании от 1-го января 1927 г.: «Подвергнутся строгому суду-осуждению те, кто прикрываясь благом Церкви, станут употреблять усилие выдвинуть старца Божия на местоблюстительский пост, они будут чинить тяжкое преступление перед Святой Церковью». А управляющий канцелярией Карловацкого Синода, Махараблидзе, сообщал в номере «Церковных ведомостей» от декабря 1926 г. между прочим следующее: «Тучков (представитель ГПУ, ведающий церковными делами. Прим. Редакции), особенно настаивал на возглавлении Церкви митрополитом Агафангелом, который как преданный суду епископского сословия не может принять власти, и предлагал митрополиту Сергию устроить совещание епископов во Владимире, с тем, чтобы на нем власть была передана митрополиту Агафангелу. Митрополит Сергей изъявил согласие на совещание во Владимире, но сказал при этом: «Мы соберемся, 12 архиереев и произведем суд над митрополитом Агафангелом». Совещание не состоялось.

На основании всех вышеприведенных данных мы можем смело утверждать, что не видим в деятельности митрополита Сергия чего-либо такого, что смогло бы послужить к обвинению его в уклонении от того пути, на который вывел нашу Святую Церковь, в неизмеримо тяжелое для нее время, ее мудрый Кормчий — Святейший Патриарх Тихон. Аргументация несогласных с митрополитом Сергием, епископов нам не представляется значительной и серьезной, что не мешает нам преклониться перед

искренними проявлениями любовной заботы и ревности о Церкви, какие мы видим, например, в приведенном выше письме архиепископа Угличского Серафима. Мы верили и продолжаем верить в то, что Господь не оставит без Своей поддержки тех иерархов, которые несут на себе тяжкое бремя ответственности за Церковь и поможет им довести Ее, в Ее крестном пути до окончательной победы. «Момент великий, страшный, но приводящий к славе» (из письма епископа, сосланного на далекий север. См.: Вестник Русского христианского студенческого движения, от мая 1927 г.

Кирилл Шевич

Париж